

НИКОЛАЙ ГОГОЛЬ

СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА

Пьеса Николая Коляды по мотивам произведений Н.В.Гоголя

Город Екатеринбург

2022 год

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

СОЛОПИЙ ЧЕРЕВИК

ХАВРОНЬЯ НИКИФОРОВНА, или ХИВРЯ – мачеха

ПАРАСКА – его дочь

ГРИЦКО ГОЛОПУПЕНКОВ – парубок

ВАСИЛЬ

ГОРОБЕЦ

ПЕТРУСЬ

БУРУЛЬБАШ

РЕМЕНЬ

АФАНАСИЙ ИВАНОВИЧ, поп

ПОПОВИЧ, его сын

МАТУШКА, его жена

ЦЫГАН

ЧЕРНОЗУБ, голова Диканьки

ЧЕРТ

ВЕДЬМА

БАСАВРЮК

Торговки, торговцы на ярмарке.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Первая картина

Как упоителен, как роскошен день в Малороссии! Голубой, неизмеримый океан, сладострастным куполом нагнувшийся над землею, кажется, заснул, обнимая и сжимая прекрасную в воздушных объятиях своих! Лениво стоят подоблачные дубы. Изумруды, топазы, яхонты эфирных насекомых сыплются над пестрыми огородами, осеняемыми статными подсолнечниками.

Рано утром тянулись на Сорочинскую ярмарку обозы. На возах и телегах кто спал-дремал, кто напевал песню, а кто просто глазел по сторонам.

На переднем возу восседала Хивря, рядом с нею Параска, а за ними, свесив ноги с воза, сидел и клевал носом вечно пьяный, старый, чубатый и усатый запорожец Горобец в грязном кафтане. Дивчина и старуха лихо щелкали семечки, доставая их из круглого подсолнуха и глазели по сторонам.

От воза сбоку шел глава семьи, Солопий Черевик, шел, понукивая хворостиной лошадей.

Этот воз вдруг начал обгонять другой, заполненный глиняными горшками. Лошадей лупил хворостиной веселый мещанин Петрусь Неупокойко.

Вот он поравнялся с возом Черевика, и его повозка подняла с дороги такую пыль, что все принялись закрываться и чихать, а Петрусь, несмотря ни на что, начал весело кричать Солопию:

ПЕТРУСЬ. Здорово, Солопий! Как здоровье?

СОЛОПИЙ. Как масло коровье.

ПЕТРУСЬ. Далеко ли направился, кум? Здоров, спрашиваю?

СОЛОПИЙ. Здравее видали, Петрусь. Здорово, здорово, куманёк. А куда все едут, кум? На ярмарку в Сорочинск. И мы с народом.

ПЕТРУСЬ. А чем торговать собрался?

СОЛОПИЙ. Да вот – эту кобылу надо мне сбыть, да десять мешков пшеницы.

ПЕТРУСЬ. А кто с тобой на возу? Это что? Это кто?! Дядька твой, Степан Горобец, что ли? Дак он же, говорят, помер в прошлом году?

ГОРОБЕЦ. Сам ты помер, придурок, невылычка.

ПЕТРУСЬ. Он же старый, скоро рассыпется, он-то куда собрался?

ГОРОБЕЦ. Мало я тебя крапивой по заднице лупил, как ты маленький был. Здорово, Петрусь. Не рассыплюсь, не жди. Мне проветяться надо.

ПЕТРУСЬ. Правильно, тебе, стара перхоть, ржавый ковшик, давно надо проветяться, а то заплесневел.

ГОРОБЕЦ. Ну, говорливый, собака.

ПЕТРУСЬ. Ты, поди, дядька Степан, по сорочинским шинкам соскучился? Ну, не одна шинка там ждут тебя, уж все глаза проглядели!

ГОРОБЕЦ. По тебе они тоже ведь соскучились, нет, Петрусь? Там и встретимся, поди. Петрусь? Ты, гляжу, хлопец, в чужом глазу соломинку видишь ... Надо нам с тобой, как в прежние времена, поутречку с полведра горелки выпить, да закусить варениками с вишней и галушками! Кто тебе с детства в кружку сбитня наливал вместо молока? Не я?

ПЕТРУСЬ. Да ты, кто еще, черти тебя дери ...

ГОРОБЕЦ. Ну вот. В шинке будем, как раньше, гопака плясать до утра. Так?

ПЕТРУСЬ. Ой, были времена, дядька Степан! Сойдемся, вспомним, спляшем! А кто там еще у тебя сидит, Солопий? Это жинка твоя?

ХИВРЯ. Глаза протри! Орет и орет! Уйди с дороги!

СОЛОПИЙ. Это жинка моя, Петрусь, новая. Старая в позапрошлом году померла.

ПЕТРУСЬ. Помню тетку Хвеську. Царствие ей. Поди, Христос посадил ее одесную от себя. То добрая была баба!

ХИВРЯ. Езжай своей дорогой, прицепился! Какую-то Хвеську он тут вспоминает еще мне зачем-то ...

ПЕТРУСЬ. Ишь ты, Солопий, какая твоя жинка сердитая. А дочка вот – красавица! Бабу твою не купят на ярмарке! А дивчину я бы прикупил!

ХИВРЯ. Да чтоб тебе с воза свалиться, окаянный! Уйди с дороги!

ПЕТРУСЬ. Ну, начала уже, ведьма, ругаться! Ей чёрта мужем надо, ведьме, а? Ой, кум, бойся чёрта! Чёрта, чёрта! Ты, Солопий, слыхал, что на ярмарке показалась красная свитка?

ХИВРЯ. Какая еще тебе свитка? Что он пугает? Какого чёрта? А ну брысь, поганец!

Тут Петрусь засмеялся, пришпорил лошадей и укатил его возок далеко вперед, всё также поднимая пыль на кривой дороге.

СОЛОПИЙ. Ишь, как его телега-то запыхала. У него кобыла молодая. А моя вон - старая, вот кто ее купит, а?

ГОРОБЕЦ. Горшки бренчат у Петруся в возке, горшки продавать едет ... Продаст, поди.

ХИВРЯ. Да чтоб все горшки его у него по дороге полопались! Какая красная свитка? Что он мелет, чучело?! Нет ничего такого на ярмарке! Чёрта поминает, а?!

ПАРАСКА. Тятя, зачем дядька Петрусь про чёрта сказал? Я так боюсь. Мамочка говорила, что чёрта вспомни, он и появится ...

СОЛОПИЙ. Да не бойся, дочка, я рядом ...

ГОРОБЕЦ. А что делать, Параска? Где люди, там и черти.

Телега катила дальше, Хивря бурчала что-то сердитое.

Слушай, Хавронья Никифоровна, расскажу тебе что-то про эту красную свитку. Вот, значит: в прошлом году на ярмарке старухе, продававшей бублики, почудился сатана в образине свиньи, и сатана беспрестанно наклонялся над возами, как будто искал чего.

Городец достал люльку, набил табак и, посмеиваясь, стал прикуривать, выбивая кремнем искру.

ХИВРЯ. Хватит меня пугать! Какая старуха? С какими бубликами? Это та самая старуха, у которой лавка рядом с яткою шинкаря? Да знаю ее. Пропойца старая. Старуха та с утра уже ногами такие бублики выделявает, что держись. Вот ей и привиделось!

ГОРОБЕЦ. Ты что это, Хавронья Никифоровна, а? Ты в нечистую силу не веришь? Дак вот, слушай. У моего сына была свадьба. Я вынес две иконы, благословить молодых. Те иконы достались мне от честного схимника, старца Варфоломея. Вот я поднял иконы, и что?

ПАРАСКА. И что? Ой, уже страшно как!

ГОРОБЕЦ. И вдруг попятился народ, и все пальцами на одного козака. А у того нос вырос, запрыгали зелёные очи, губы засинели, подбородок заострился, как копье, изо рта выбежал клык, из-за головы поднялся горб, и стал козак – старик. «Колдун!» - все кричат, да как схватили детей. А я выставил иконы и сказал: «Пропади, образ сатаны, тут тебе нет места!».

ХИВРЯ. Что говорит, а?! Вот зачем, а? Как напугал! Ну, и потом что?

ГОРОБЕЦ. И то. Он как зашипел, как щёлкнул, как волк, зубами, и пропал.

ХИВРЯ. Да что ты врешь и пугаешь? Ты опился горелки, вот и привиделось тебе такое! Наболтал такого, что теперь и ехать на ярмарку страшно. Хорошо хоть – день. Рассказал

бы такое вечером, мне бы окаянный черт всю ночь снился!

ГОРОБЕЦ. Я дивлюсь, как они тебе десятками-то не снятся.

ХИВРЯ. Не припоминай, сказала! Еще третьего дня всю ночь мне снился окаянный. Вздумала было на ночь загадать на картах после молитвы, да, видно, в наказание-то Бог и наслал его. Такой гадкий привиделся, а рога-то - длиннее бычачьих. И зачем вот поехали? Чует сердце: не будет на Сорочинской ярмарке нам удачи.

СОЛОПИЙ. Да не каркай ты.

ХИВРЯ. Ага, не каркай! А ты что смотришь?

ПАРАСКА. На то и глаза.

ХИВРЯ. Ишь, языкастая. Слова ей не скажи. Вся в тебя твоя дочка. Ты, Параска, семечки щёлкаешь, дак плюй в ту сторону, а я буду - в ту.

СОЛОПИЙ. Куда ты плевать-то собралась? На меня?

ХИВРЯ. Молчал бы ты, невылычка! Зачем поехали, зачем?! Не будет, говорю, нам удачи!

ГОРОБЕЦ. Хивря, ну, что ты за заноза такая?! Что ты вот - вяк да вяк?!

ХИВРЯ. Сам ты вяк! Я тебе не Хивря, а Хавронья Никифоровна, понял?! Ты вот кто? Приживал наш Степанушка Горобец? Горобец - воробей, значит? Тьфу! Воробей не птица, а воровайка! Ну и имена пошли на Руси, что только плюнешь да перекрестишься. А он кто? Солопий Черевик! Это ж надо было так уродиться! Тьфу на тебя! И на тебя! И на тебя! И на всех на вас! Всё плохо кругом. Провались вся моя и ваша жизнь! Пошла, дура, замуж ...

СОЛОПИЙ. Тебе, Хавронья Никифоровна, всё всегда плохо.

ПАРАСКА. Не ругайтесь, тату. Тётя, перестаньте. Вон уж и Сорочинск видно. Посмотрите, день какой занимается. Красиво как в степи в нашей. Не надо ругаться.

ГОРОБЕЦ. Правда твоя, Параска. Вверху только, в небесной глубине дрожит жаворонок, и серебряные песни летят по воздушным ступеням на влюбленную землю, да изредка крик чайки или звонкий голос перепела отдается в степи ... Господи Боже, для кого ты создал такую красоту?!

ПАРАСКА. Божечки, для кого ты создал такую красоту?! Ах, степи, как вы хороши! Вереница лебедей, летящих на север, светится серебряно-розовым светом, будто красные платки летят по небу ...

ГОРОБЕЦ. Черт побери, степи, как вы хороши!

ПАРАСКА. Тату, посмотрите, а вон как серые скирды сена и золотые снопы хлеба станом располагаются в поле ... А в Сорочинске - видно уже вон! - широкие ветви черешень, слив, яблонь, груш нагнулись от плодов ...

СОЛОПИЙ. Так, дочка. Красиво всё на нашей земле. Эх, мысли слезу вышибают. Проходит молодость, протекшие лета. Всякий козак хочет, чтобы вся его жизнь была бы молодость ...

ХИВРЯ. Да что вы тут распелись, разнылись? Хватит уже! День скучный, всё плохо! Стегай кобылу, чтобы бежала быстрее! Везем на ярмарку пшеницу, а продадим или нет? Нет, поди!

Навстречу путешественникам попала ватага парней. Смеялись, глядя на проезжающее войско с нагруженными товарами. Ярче всех выделялся из толпы Грицко Голопупенков.

ГРИЦКО. Эх, какая славная дивчина! Я бы отдал всё свое хозяйство, чтобы только поцеловать ее.

ХИВРЯ. Отвяжитесь от нас, бесенята! Мы на ярмарку едем! Уйдите с дороги, дармоеды, хулиганы, охальники!

ГРИЦКО. А вот впереди и дьявол сидит! Эх, тётка, как ругаться умеешь!

ХИВРЯ. Что ты сказал?! Я знаю тебя: ты Грицко Голопупенков! Чтоб ты подавился, негодный бурлак! Чтоб твоего отца горшком в голову стукнуло! Чтоб он подскользнулся на льду, антихрист проклятый! Чтоб ему на том свете чёрт бороду обжег!

ГРИЦКО. Вишь, как ругается! Гляньте, хлопцы: её красные щеки превратились в огненные, а слова бранные у неё, будто дождь льёт! И язык у неё, у столетней ведьмы, не заболит выговорить эти слова!

ХИВРЯ. Столетней ведьмы?! Нечестивец! Поди, умойся наперёд! Сорванец негодный! Я не видала твоей матери, но знаю, что она дрянь! И отец Голопупенков дрянь! И тетка Голопупенкова дрянь! И кума Голопупенкова дрянь! И кум Голопупенков негодяй! И братья Голопупенковы твои воры! И сестры твои Голопупенковы замарашки! Столетней меня назвал! У тебя молоко еще на губах не обсохло, а ты такие слова мне, сопляк?!

ГРИЦКО. Ну, пошла писать губерния! Помолчи, старуха-ведьма! Раз так ругаешься, то тебе надо бы украсить. Ну дак - на вот тебе кусочек грязи на твою красивую свитку!

Тут воз начал спускаться с моста, а парубок схватил комок грязи и швырнул вслед.

Удар был удачным: весь новый ситцевый очипок Хиври был забрызган грязью, и хохот разгульных повес удвоился с новой силой.

Хивря вскипела, но воз отъехал в это время довольно далеко, и месть её обратилась на безвинную падчерицу и медленного сожителя, который сохранял упорное молчание и хладнокровно принимал речи разгневанной супруги.

ХИВРЯ. Он меня грязью измазал! Поганец, чтоб тебе провалиться! А этот молчит и молчит, свиной хрящик! И эта молчит, мокрица! Вашу мать, мать вашу обзывают и грязью поливают, а вы молчите?!

СОЛОПИЙ. Да полно тебе, сама виновата. Языком цепляешься, а теперь других виноватишь.

ХИВРЯ. Я вот прицеплюсь тебе, я в твои волосы вцеплюсь, старый дурень! Сволочи оба проклятые! Вот, навязались на мою шею, негодные!

Баба выла, но воз уже въехал в улицы, где была ярмарка. Все слезли с воза.

СОЛОПИЙ. Приехали!

ХИВРЯ. И что теперь? Где мы остановимся?

СОЛОПИЙ. На дворе у кума Пидсыткова, у него хата пустая, а он сам и дома не живет, из шинков и не вылезает.

ХИВРЯ. Это что тут такое? Это и есть Сорочинская ярмарка? Как будто пусто, никого нет?

СОЛОПИЙ. Так как еще рано, то все еще дремлет, протянувшись на земле.

ПАРАСКА. Тату, возле коровы лежит гуляка парубок с покрасневшим, как снегирь, носом!

ХИВРЯ. Тебе только на парубков смотреть!

СОЛОПИЙ. Вот наша Сорочинская ярмарка. Доча, а чуть подале храпит, сидя, перекупка, торговка дробью и бубликами, а под телегою - цыган! А на возу с рыбой – храпит чумак!

ХИВРЯ. Тьфу ты, пропасть! Срамота какая! На самой дороге раскинул ноги бородач москаль с поясами и рукавицами ... Ну, всякого сброду, как водится, по ярмаркам. Тьфу тридцать три раза!

СОЛОПИЙ. Горобец, в ятках начало мало-помалу шевелиться: жидовки стали

побрякивать фляжками, дым покатило то там, то сям кольцами, и запах горячих сластен понесся по всему табору. Ух ты, а у меня же нет ни огнива, ни табаку наготове!

ХИВРЯ. Вот, он и собрался уже таскаться по ярмарке. Куда ты? Стой!

Откуда ни возьмись появился есаул Бурульбаш: красное лицо, усы до пола.

БУРУЛЬБАШ. Здорово, Солопий Черевик! А это кто? Дядька Горобец? Какой же ты старый стал! Не спознали меня? Я – есаул Бурульбаш!

ХИВРЯ. Не ходите с ним! Гуляка, и по лицу видно!

СОЛОПИЙ. Здорово, есаул Бурульбаш! Как не спознать? Сколько лет не виделись! Как ты жив-здоров? Ой, ты хорош собой, чисто оделся!

БУРУЛЬБАШ. Да, прикупил всего! Гляньте, как я вчера успел нарядиться на ярмарке, Солопий! Посмотри, какие красные, как жар, шаровары, синий жупан, цветной пояс, при боку сабля и люлька с медною цепочкою по самые пяты!

СОЛОПИЙ. Дай разглядеть хорошенько. Ты посмотри, баба, а?! Запорожец, да и только!

ГОРОБЕЦ. Здорово, Бурульбаш! Давай, почеломкаемся, что ли? Эх, народец! Станет, вытянется, поведет рукою молодецкие усы, брякнет подковами и – пустится в гопака!

СОЛОПИЙ. А ведь как умеет запорожец пуститься: ноги отплясывают, словно веретено в бабьих руках, что вихорь ...

ГОРОБЕЦ. А потом как дёрнет рукою по всем струнам бандуры и тут же, подпершись в боки, несется впрысдку и зальется песней - душа гуляет!..

СОЛОПИЙ. Нет, прошло времечко: не увидеть больше запорожцев! Мало таких, как Бурульбаш, осталось!

ГОРОБЕЦ. Не ной.

СОЛОПИЙ. Да, Бурульбаш, так вот встретились мы с тобой и такая мне, старому, радость!

БУРУЛЬБАШ. Дак пошли уже в шинок, выпьем, обмоем встречу! И ты, Горобец-старец, воробышко с помятыми крылышками, пошли с нами, ну?

КРИКИ. Пшеница! Пшеница!

СОЛОПИЙ. Стой, Бурульбаш. Пшеница! Там пшеницу продают! Там говорят: пшеница! Пшеница! Мне ж продать надо пшеницу! Я туда!

БУРУЛЬБАШ. Дак и я с тобою, пошли, стой! Быстро дело справим и - в шинок!

ГОРОБЕЦ. Шинок – хорошо, это хорошее слово: шинок! И я к вам прицеплюсь.

ХИВРЯ. Куда? Стоять! И этот пьяница Горобец носом горелку учуял и уже побежал, а?!

СОЛОПИЙ. Молчи, баба! Мысли мои ворочаются около десяти мешков пшеницы и старой кобылы. Это всё, что мы привезли на продажу! Мне туда надо, а ты меня останавливаешь!

ХИВРЯ. Пьянчуга! И Бурульбаш твой привязался – пьянчуга! Знаю я твою продажу!

Ярмарка стала просыпаться, гудеть, торговать и торговаться, танцевать, кричать и петь.

ПАРАСКА. Тятя, мне не сильно приятно тереться около возов с мукою и пшеницею. Я пойду туда вон, где под полотняными ятками нарядно развешаны красные ленты, серьги, оловянные, медные кресты и дукаты.

СОЛОПИЙ. Ну, сходи. А мы с Бурульбашем, с Горобцом – к пшенице!

ХИВРЯ. Никуда не ходите! Стойте все!

СОЛОПИЙ. Молчи, баба! Дай тебе волю, дак ты бы спрятала меня себе под юбку, да и сидела бы на мне, как на куриных яйцах!

ХИВРЯ. Ой, какой позор! Смотри, вон там цыган и мужик бьют один другого по рукам, вскрикивая сами от боли! Проснулись все! Не ходите туда!

Солопий Черевик принялся толкаться в народе, примеривался к ценам, а Бурульбаш и Горобец не отставали, таскались за ним, да и Хивря вроде бы как нехотя плелась в хвосте.

СОЛОПИЙ. Ярмарка наша проснулась! Глянь, Бурульбаш: вон пьяный жид дает бабе киселя, а поссорившиеся перекупки перекидываются бранью и раками!

БУРУЛЬБАШ. Смотри, Солопий, вот москаль, поглаживая одною рукою свою козлиную бороду, другою чешет себе яйки ...

ГОРОБЕЦ. Да тьфу на него, помру со смеху!

ХИВРЯ. Тьфу на вас, бесстыжие! Тьфу, тьфу, тьфу!

Вторая картина

На ярмарке шла рьяная торговля.

Поп Афанасий Иванович ходил по ярмарке с сыном.

Молодой попович шел под руку с матушкой и всё кривился.

АФАНАСИЙ. Я никогда не носил пестрядевого халата, какой встретите вы на многих деревенских дьячках.

МАТУШКА. Кому вы это говорите, Афанасий Иванович?

АФАНАСИЙ. А вот всем тут. Ты держи корзинку, матушка, а я в нее буду складывать всё для снедания: яйца, мясо барашка, морковь, свеколочку, помидорчики, цыбулю ... Ух! Борща наваристого охота, пост-то давно прошёл.

ПОПОВИЧ. Тятя, неправильно вы говорите! Надо говорить: яйцус, барашкус, морковус, свеклаус, помидорус! И не цыбуля, а лук, то есть, лукус!

МАТУШКА. Ой, бедное моё дитятко, выучилось в бурсе чему-то дурному, на себя не похож стал!

АФАНАСИЙ. Вот я всем скажу, матушка: люди, вы заходите ко мне домой и в будни даже! И я вас всегда приму в балахоне из тонкого сукна, цвету застуженного картофельного киселя, за которое платил я в Полтаве чуть ли не по шести рублей за аршин.

МАТУШКА. По два с полтиною, Афанасий Иванович.

ПОПОВИЧ. Батя, хватит бахвалиться, позориться, купите мне лучше семечкус.

АФАНАСИЙ. А от сапог моих, православные, да, от сапог - у нас никто не скажет на целом хуторе, чтобы слышен был запах дегтя. Нет! Но всякому известно, что я чистил их самым лучшим смальцем, какого, думаю, с радостью иной мужик положил бы себе в кашу.

ПОПОВИЧ. Сапогус. Дегтюс. Мужикус. Кашус. Так надо говорить, тятя. Так говорят латынцы.

АФАНАСИЙ. А вот есть в латыни слово горелка?

ПОПОВИЧ. Нету.

АФАНАСИЙ. Ну и дурни были твои латынцы.

МАТУШКА. Люди слушают нас, не ругайтесь, Афанасий Иванович.

АФАНАСИЙ. Это не ругательное слово, матушка. Ведь никто не скажет также, чтобы я когда-либо утирал нос полою своего балахона, как то делают иные люди моего звания. Но

я всегда вынимаю из пазухи опрятно сложенный белый платок ...

МАТУШКА. Я вышивала его по всем краям красными нитками ...

ПОПОВИЧ. Платокус. Ниткус. Так надо говорить по-красивому, по-научному, по-городскому.

АФАНАСИЙ. Помолчи, придурок какой, а?! И вот, заканчиваю: исправивши что следует, я складываю платок снова, по обыкновению, в двенадцатую долю и прячу в пазуху.

ПОПОВИЧ. Тятя, ну купи мне конфектус. Или пряникус. Или леденцус.

АФАНАСИЙ. Какой тебе надо конфектус? Что ты тарабаришь, сынушка?

ПОПОВИЧ. Я учился у дьяка в бурсе грамоте, приехал к тебе вот уже ученым, и я стал таким латыньщиком, да, таким, что я позабыл даже ваш нехороший язык.

АФАНАСИЙ. Наш православный язык позабыл?! Ах ты, неуч!

ПОПОВИЧ. Нет, я теперь ученый. Все слова я должен сворачивать на «ус».

МАТУШКА. Бедное дитяtko. Вот до чего довела учеба. Лопата у него - лопатус, лошадь – лошадюс, баба - бабус.

Попович увидел грабли и стал тыкать пальцем:

ПОПОВИЧ. А как это, тятя, по-вашему, по-православному, называется?

МАТУШКА. А ты наступи вот - сразу вспомнишь.

ПОПОВИЧ. И что? Мне что? И наступлю, матушка.

Да и наступил попович, разинувши рот, ногою на зубцы.

ЦЫГАН. Гляди как ручка, размахнувшись, поднялась и - хватъ поповича-панича по лбу. Ой, смех с этим ученым! И поделом, так, нет?!

ПОПОВИЧ. Проклятые грабли! Чертов цыган, смеется еще! Как же они, чёрт бы спихнул с мосту отца их, больно бьются! Проклятые грабли!

ЦЫГАН. Так вот как, да?! Припомнил и имя, голубчик! Грабли, значит, а не граблюс?!

ПОПОВИЧ. Всё равно! Главное – учение и латынь! Ярмаркус! Лошадикус!

ЦЫГАН. Ну и дурак же у вас вырос, а?!

ПОПОВИЧ. А ты, цыган чертов, крапивное семя, чего смеешься надо мной, над сыном человека в сане священном?! Ты и в церковь не ходишь, тьфу! Безбожники все цыганы!

АФАНАСИЙ. Ступай-ка ты, матушка, домой с ним, а то от людей стыдно.

ПОПОВИЧ. Матушка, дашь мне лекарство? Глянь, какая гугля на лбу выросла от этих проклятых граблей.

МАТУШКА. Я дам тебе рюмочку водки, перегнанную на персиковые косточки.

АФАНАСИЙ. Какую рюмочку? Он дитя еще! Что ты выдумала?

МАТУШКА. Это дитя две сажени ростом. Если как-нибудь, вставая с кровати, ударится кто об угол шкапа или стола и набежит на лбу гугля, то стоит только одну рюмочку выпить перед обедом - и все как рукой снимет, в ту же минуту все пройдет, как будто вовсе не бывало.

АФАНАСИЙ. Да ступайте уже, не позорьте меня. Пейте, запивайтесь вы там, только чтоб я не видел.

МАТУШКА. Да ты сам стоишь посередь ярмарки и рассказываешь всем про свои сапоги. Сам уже сдвинулся с разума.

АФАНАСИЙ. Молчи. Идите отсюда. Корзину неси домой и вари мне борща с салом! А я еще тут похожу, да зайду в одно место во славу Божью!

Хивря в толпе увидела попа и обрадовалась старому другу.

ХИВРЯ. Ой, Афанасий Иванович! И вы тут?

АФАНАСИЙ. И я тут, любезная Хавронья Никифоровна ...

ХИВРЯ. А заходите вечером в дом нашего кума Пидсыткова, а? Ну, что мы стоим посередь ярмарки, заходите по старой памяти, да вы мне молитвы новые почитаете ...

АФАНАСИЙ. А я и старые помню, Хавронья Никифоровна.

ХИВРЯ. Ну, тогда жду ... Мой Солопий спит у телег, сторожит. А кума Пидсыткова нету – он всё в шинках пропадает ...

АФАНАСИЙ. Ой, грех какой – в шинках пропадать. Зайду, Хавронья Никифоровна ...

В толпе на ярмарке смешались все: Солопий, Бурульбаш, Горобец, Петрусь – все. Хавронья затерялась в толпе, потеряла своих, плюнула, пошла к возу да повела кобылу на двор к куму Пидсыткову, надеясь, что муж не скоро вернется, а у нее будет другое развлечение.

Третья картина

А Параску кто-то дернул за шитый рукав сорочки.

Оглянулась – тот самый парубок, Грицко: в белой свитке, яркими глазами смотрит на нее.

ГРИЦКО. Не бойся, серденько, не бойся! Я ничего не скажу тебе худого!

ПАРАСКА. Может быть, это и правда, что ты ничего не скажешь мне худого! Только мне чудно ... Верно, это лукавый!

ГРИЦКО. Дай поддержку тебя за руку!

ПАРАСКА. Жилки мои вздрогнули, и сердце забилося так, как еще никогда, ни при какой радости, ни при каком горе: и чудно, и любо мне всё кажется, и сама я не могу растолковать, что делается со мною.

ГРИЦКО. Как тебя звать?

ПАРАСКА. Параска. Вон мой тата – Солопий Черевик.

ГРИЦКО. Не забирай руку ...

ПАРАСКА. Сама, кажется, знаю, что не годится так ... А силы недостает взять от тебя руку. Ты ведь тот самый парубок, что забрызгал очипок моей мачехи?

ГРИЦКО. Да поделом ей. Вижу, не сладко тебе с ней в одной хате живется?

Солопий оглянулся и хотел что-то промолвить дочери, но снова слышалось слово: «Пшеница!».

КРИКИ. Пшеница!

Это слово заставило его в ту же минуту присоединиться к двум громко разговаривающим, и его уже ничто не в состоянии было развлечь. То были Ремень и Василь.

РЕМЕНЬ. Так ты думаешь, земляк, что - плохо пойдет наша пшеница?

Так говорил мещанин в пестрядевых, запачканных дегтем и засаленных шароварах, говорил он это другому мещанину в синей, местами уже с заплатами, свитке и с огромною шишкою на лбу.

СОЛОПИЙ. Пшеница! Пшеница! Пшеница!

ВАСИЛЬ. Да думать нечего тут. Я готов вскинуть на себя петлю и болтаться на этом дереве, как колбаса пред Рождеством на хате, если мы продадим хоть одну мерку.

РЕМЕНЬ. Кого ты, земляк, морочишь? Привозу ведь, кроме нашего, нет вовсе.

СОЛОПИЙ. Красивые у тебя какие пестрядевые шаровары.

РЕМЕНЬ. Зубы не заговаривай. Проходи мимо, мы тут гутарим про пшеницу ...

СОЛОПИЙ. Да, говорите себе, что хотите, а у меня вот как раз на продажу десять мешков пшеницы есть в запасе. Я Солопий Черевик. У меня еще дочка, жинка ...

ВАСИЛЬ. Повезешь назад. Ничего мы сегодня не продадим. Потому как, если где замешалась чертовщина, то ожидай столько проку, сколько от голодного москаля.

СОЛОПИЙ. Какая чертовщина? Ты про что? Я про пшеницу!

РЕМЕНЬ. И я про пшеницу!

ВАСИЛЬ. А я про то, что день готовит нам! Слышал ли ты, что поговаривают в народе?

РЕМЕНЬ. Нет. Ну?

ВАСИЛЬ. Ну, то-то ну! Заседатель, чтоб ему не довелось обтирать губ после панской сливянки, отвел для ярмарки проклятое место, на котором, хоть тресни, ни зерна не спустишь. Видишь ли ты тот старый, развалившийся сарай, что вон-вон стоит под горою?

Подошел Бурульбаш и стал слушать, почёсывая лоб, что говорят хлопцы, а думал он всё про то, с кем бы ему выпить горелки. И Горобец тут же притулился.

БУРУЛЬБАШ. Хлопцы, да пойдемте все в шинок. Там обсудим! Я вас знаю. Ты – Василь, а ты – Ремень. Правильно? Пошли в шинок!

ГОРОБЕЦ. Дело говоришь. Надо смочить горло горелкою ...

СОЛОПИЙ. Какой шинок, Бурульбаш, ты про что, Горобец? Стойте! Ну-ка, ну-ка, пусть он расскажет? Что за нечистая сила показалась на Сорочинской ярмарке?

Тут любопытный отец красавицы подвинулся еще ближе и весь превратился во внимание.

ВАСИЛЬ. Слушайте, панове. В том сарае то и дело, что водятся чертовские шашни. И ни одна ярмарка на этом месте не проходила без беды. Вчера волостной писарь проходил поздно вечером, только глядь - в слуховое окно выставилось свиное рыло и хрюкнуло так, что у него мороз подрал по коже. Того и жди, что опять покажется красная свитка!

СОЛОПИЙ. Что ж это за красная свитка?

РЕМЕНЬ. Ты, мужик, видать не с наших краев и не знаешь, что свиткой у нас зовут кафтан. Вот такой, как на тебе. Только красный.

СОЛОПИЙ. И что ж в нем такого страшного?

БУРУЛЬБАШ. Хлопцы, да пойдемте все в шинок, хватит вам балабонить!

ГОРОБЕЦ. И то дело: в шинке так весело!

РЕМЕНЬ. Это твоя дочка, Солопий? Оглянись-ка. Смотри, уведут ее у тебя, вот потом будет страшно тебе потом!

Тут Солопий оборотился назад и увидел, что дочка его и парубок спокойно стоят, обнявшись и напевая друг другу какие-то любовные сказки, позабыв про все находящиеся на свете свитки.

СОЛОПИЙ. Эге, ге, ге, земляк! Да ты мастер, как вижу, обниматься! Черт меня возьми, если я не на четвертый только день после свадьбы выучился обнимать покойную свою Хвеську, да и то спасибо куму: бывши дружкой, уже надоумил.

Парубок заметил тот же час, что отец его любезной не слишком далек, и в мыслях принялся строить план, как бы склонить его в свою пользу.

ГРИЦКО. Ты, верно, человек добрый, не знаешь меня, а я тебя тотчас узнал.

СОЛОПИЙ. Может, и узнал.

ГРИЦКО. Если хочешь, и имя, и прозвище, и всякую всячину расскажу: тебя зовут Солопий Черевик.

СОЛОПИЙ. Так, Солопий Черевик. И что?

ГРИЦКО. А взглядишь-ко хорошенько: не узнаешь ли меня?

СОЛОПИЙ. Нет, не познаю. Не во гнев будь сказано, на веку столько довелось наглядеться рож всяких, что чёрт их и припомнит всех!

БУРУЛЬБАШ. Хлопцы, да пойдёмте все в шинок, хватит вам!

ГОРОБЕЦ. И я про то же говорю!

ГРИЦКО. Жаль же, что ты не припомнишь Голопупенкова сына!

СОЛОПИЙ. А ты будто Охримов сын? Грицко? Голопупенков? Грицко Голопупенков? Не ты ли моей жинке утром очипок замазал?

ГРИЦКО. Я. Я Грицко Голопупенков. Да.

СОЛОПИЙ. Голопупенков Грицко – это ты?!

ГРИЦКО. А кто ж? Разве один только лысый дидько, если не я.

СОЛОПИЙ. А ты уже так вырос? А ты забыл, как я тебе хлестал за шалопутство по голой жопе крапивой, как ты маленький был?

ГОРОБЕЦ. Да, да, я крапивой хлестал вот этого Петруся, вон, под телегой лежит, хлестал по голой ...

ГРИЦКО. Да что вы оба с этой крапивой? Ну, тятя, что вспоминать. Может, и было ...

СОЛОПИЙ. Да как не было! Я тебя, задравши тебе штаны, столько раз по ...

ГРИЦКО. Ну, хватит тебе, дядька. Врете всё. Дивчина стоит, слушает, а ты такими словами страшными ругаешься ...

СОЛОПИЙ. Дак это дивчина - моя дочка.

ГРИЦКО. Я знаю. Давай, тато, почеломкаемся хоть?

Тут приятели побрались за шапки, и пошло лобызание.

Ну, Солопий, вот как видишь, я и дочка твоя полюбили друг друга так, что хоть бы и навеки жить вместе.

БУРУЛЬБАШ. Хлопцы, да пойдёмте все в шинок, хватит вам!

ГОРОБЕЦ. И я про то!

СОЛОПИЙ. Стой, Бурульбаш, стой, Горобец. Что ж, Параска, может, и в самом деле, чтобы уже, как говорят, вместе и того... Чтобы и паслись на одной траве! Что? По рукам? А ну-ка, новобранный зять, давай могоарычу!

БУРУЛЬБАШ. Хлопцы, вот теперь точно: пойдёмте все в шинок!

СОЛОПИЙ. А теперь пойдём, правильно. Дочка, иди до матери. А я скоро буду. Скажи, что я тебе жениха нашёл.

ПАРАСКА. Тятя, я ее боюсь, не пойду. Я с вами буду наблюдать, чтобы вы не напились, как в прошлый раз.

СОЛОПИЙ. Когда это?

ПАРАСКА. Да в прошлый раз! Позавчера!

ГОРОБЕЦ. Ладно! Пошли в шинок к жиловке! Бурульбаш, Василь, и вы с нами, ну?!

ПЕТРУСЬ (*вылез из-под телеги*). Царица небесная, все горшки продал! Пошли в шинок, хлопцы, обмоем, горелки свежей попробуем!

ГРИЦКО. Дак и я про то. А пан разве не знает, что Бог на то и создал горелку, чтобы ее

всякий пробовал?

БУРУЛЬБАШ. Эх, там в шинке стоит флотилия сулей, бутылей, флажек всех родов и возрастов! Там такая красота: хоть живи! А ну пошли!

И все вдруг разом очутились в известной ярмарочной ресторации у жидовки: Горобец, Бурульбаш, Василь, Ремень, Солопий и Петрусь уселись за длинный стол. Там такие танцы в шинке шли – пыль до потолка, хлопцы гопак плясали!

СОЛОПИЙ. Эй, хват! За это люблю!

БУРУЛЬБАШ. Глянь, как твой нареченный зять налил кружку, величиною с полкварты, и, не поморщившись, выпил до дна и хватил ее вдребезги. Люблю такое и тоже так хочу!

СОЛОПИЙ. Выпьем тогда! А ты, Бурульбаш, заезжай ко мне на хутор в гости! Дынь подадим тебе таких, какие ты отроду, может быть, не ел!

ГРИЦКО. А мёду, батька?

СОЛОПИЙ. И мёду! Вот, я забожусь, лучшего не сыщешь на хуторах. Вот как внесешь соты в дом - дух пойдет по всей комнате, вообразить нельзя какой: чист, как слеза или хрусталь дорогой, что бывает в серьгах. Выпьем!

ПАРАСКА. Тятя, хватит вам хвастать и пить. Вас Хавронья Никифоровна ждет! Вы ей про свадьбу хотели сказать ...

СОЛОПИЙ. Подождёт!

БУРУЛЬБАШ. А ты заезжай ко мне на хутор, Солопий! Какими пирогами накормит моя старуха! Что за пироги: сахар, совершенный сахар! А масло так вот и течет по губам, когда начнешь есть.

СОЛОПИЙ. А вот моя Хивря, черти ее дери, пироги печь не может – правду скажу.

ПЕТРУСЬ. Подумаешь, право: на что не мастерицы эти бабы! Пили ли вы когда-либо, паны, грушевый квас с терновыми ягодами или варенуху с изюмом и сливами? Или не случилось ли вам подчас есть путрю с молоком?

ГРИЦКО. Боже ты мой, каких только на свете нет кушаньев!

ПЕТРУСЬ. Станешь есть - объяденье, да и полно. Сладость неописанная! Прошлого года ... Однако ж что я, в самом деле, разболтался? Домой пора. Выпьем еще на дорожку.

БУРУЛЬБАШ. Да сиди ты!

ВАСИЛЬ. Я тебе так скажу: приезжай только, Петрусь, приезжай лучше поскорей ко мне, а накормим так, что будешь рассказывать и встречному, и поперечному. Прошу, однако ж, не слишком закладывать назад руки и, как говорится, финтить, потому что дороги по хуторам нашим не так гладки, как перед городскими хоромами.

ПЕТРУСЬ. Знаю. Фома Григорьевич, мой сват, третьего году, приезжая из Диканьки, заехал ко мне. Дак он понаведалься-таки в провал с новою таратайкою своею и гнедою кобылою, несмотря на то что сам правил и что сверж своих глаз надевал по временам еще покупные. Ну, он четырехглазый, понимаете?

РЕМЕНЬ. А, он в очках?

Вся стали вдруг в дымину пьяные. Вставали из-за стола и падали. Падали и вставали.

СОЛОПИЙ. А что же ты скажешь, Параска? Какого я жениха тебе достал! Смотри, смотри: как он молодецки тянет пенную! Иди отсюда, ступай по базару, выбирай ленты, я плачу! Хватит мне пить, пойду свою старуху обрадую!

ГРИЦКО. Так, так, идите, тятя. Пошли и мы, Параска? Я куплю себе лучшую деревянную люльку в медной оправе, для тебя - цветистый по красному полю платок и

шапку для свадебных подарков тестю, и подарков всем, кому следует.

СОЛОПИЙ. То дело, Грицко!

БУРУЛЬБАШ. А я хотел домой идти, да развезло. Поди, останусь. Да, тут останусь, мне тут нравится!

ГОРОБЕЦ. А я никуда и не собирался!

Посмеиваясь и покачиваясь, побрел Солопий к дому кума Пидсыткова, а парубок и девица отправились по рядам с красными товарами.

А Горобец, Бурульбаш, Василь, Ремень и Петрусь продолжили пить в шинке, позабыв про торговлю.

Четвертая картина

Солопий еле нашел дорогу ко двору кума Пидсыткова. Вошел в хату, сказал громко:

СОЛОПИЙ. Ну, жинка, пляши да радуйся! А я нашел жениха дочке!

ХИВРЯ. Вот, как раз до того теперь, чтобы женихов отыскивать. Дурень! Тебе, верно, и на роду написано остаться таким! Где ж таки ты видел, где ж таки ты слышал, чтобы добрый человек бегал теперь за женихами? Ты подумал бы лучше, как кобылу да пшеницу с рук сбыть! Хорош должен быть и жених там! Думаю, оборваннейший из всех голодрабцев.

СОЛОПИЙ. Э, как бы не так, посмотрела бы ты, что там за парубок! Одна свитка больше стоит, чем твоя зеленая кофта и красные сапоги. А как сивуху важно дует ... Черт меня возьми вместе с тобою, если я видел на веку своем, чтобы парубок духом вытянул полкварты, не поморщившись!

ХИВРЯ. Ну, так, правильно: ему если пьяница, да бродяга, так и его масти. Бьюсь об заклад, если это не тот самый сорванец, который увязался за нами на мосту. Жаль, что до сих пор он не попадется мне: я бы дала ему знать.

СОЛОПИЙ. Что ж, Хивря, хоть бы и тот самый. Чем же он сорванец?

ХИВРЯ. Ах, ты безмозглая башка! Чем же он сорванец! Куда же ты запрятал дурацкие глаза свои, когда проезжали мы мельницы?! Тебе хоть бы тут же, перед твоим запачканным в табачище носом, нанесли жинке твоей бесчестье, а тебе бы и нуждочки не было?!

СОЛОПИЙ. Все однако же я не вижу в нем ничего худого. Парень хоть куда! Только разве, что заклеил на миг образину твою навозом ...

ХИВРЯ. Эге! Да ты, как я вижу, слова не дашь мне выговорить! А что это значит? Когда это бывало с тобою? Верно, успел уже хлебнуть, не продавши ничего ...

Тут Черевик наш заметил и сам, что разговорился чересчур, и закрыл в одно мгновение голову руками, зная, что разгневанная сожительница не замедлит вцепиться в его волосы ногтями.

СОЛОПИЙ. Всё, всё! Не бей меня! Туда к черту! Вот тебе и свадьба! Придется отказать доброму человеку ни за что, ни про что. Господи, Боже мой, за что такая напасть на нас, грешных! И так много всякой дряни на свете, а ты еще и жинок наплодил! Пойти да сказать хлопцу, что свадьбы не будет ... Ну так что ж: терпел Моисей, терпел Елисей, терпел Илия, потерплю и я ... Буду терпеть проклятую бабу.

И он снова поплелся по вечернему базару, выискивать своего несостоявшегося зятя.

Пятая картина

Рассеянно глядел парубок в белой свитке, сидя у своего воза, на глухо шумевший вокруг него народ. Усталое солнце уходило от мира. Ослепительно блистали верхи белых шатров и яток, осененные огненно-розовым светом. Горы дынь, арбузов и тыкв казались вылитыми из золота и темной меди. Где-где начинал сверкать огонек, и благовонный пар от варившихся галушек разносился по утихавшим улицам.

Грицко грустно сидел на земле у повозки, думу думал. Он уже успел поговорить с Солопием.

И тут как черт подобрался к нему весёлый цыган, серьгою в ухе посверкивал.

ЦЫГАН. О чем загорюнился, Грицько? Что ж, отдавай волы за двадцать!

ГРИЦКО. Эх, цыган, воровское ты семя. Тебе бы все волы, да волы. Вашему племени все бы корысть только. Поддеть, да обмануть доброго человека.

ЦЫГАН. Тьфу, дьявол! Ты уже и шуток не понимаешь? Да тебя не на шутку забрало. Уж не с досады ли, что сам навязал себе невесту?

ГРИЦКО. Нет, это не по-моему. Я держу свое слово: что раз сделал, тому и навеки быть. А вот у хрыча Черевика нет совести, видно, и на полшеляга: сказал, да и назад ... Вон он, сказал мне: «Нет!» и лег спать под возом со своим кумом Пидсытковым, пшеницу свою сторожит ...

ЦЫГАН. Надо бы пшеницу ту украсть.

ГРИЦКО. Да не трожь ты его. Дурачок он. Ну, его и винить нечего, он пень, да и полно. Всё это штуки старой ведьмы, которую мы сегодня с хлопцами на мосту ругнули на все бока! Эх, если бы я был царем или паном великим, я бы первый перевешал всех тех дурней, которые позволяют себя седлать бабам ...

ЦЫГАН. А спустишь волов за двадцать, если заставим Черевика отдать тебе Параску?

ГРИЦКО. Гляжу я на тебя, цыган: в глазах злобное что-то, и кипят в душе твоей достоинства великие, только награда им одна – виселица.

ЦЫГАН. Да уж, нет! Далеко мне до виселицы! Меня мой цыганский Бог хранит!

ГРИЦКО. А кафтан у тебя темно-коричневый – только тронь: превратится в пыль. А башмаки на босые ноги ... Цыган как есть цыган – голодранец, а бахвалится.

ЦЫГАН. Говорят: по одежке встречают. Ну, дак как – согласен волов за двадцать?

ГРИЦКО. Не за двадцать, а за пятнадцать отдам, если не солжешь только!

ЦЫГАН. За пятнадцать? Ладно! Смотри же, не забывай, Грицко: за пятнадцать! Вот тебе и синица в задаток!

ГРИЦКО. Ну, а если солжешь?

ЦЫГАН. Солгу - задаток твой!

ГРИЦКО. Ладно! Ну, давай же по рукам!

ЦЫГАН. Давай!

ГРИЦКО. Жду тебя к ночи с вестями!

Шестая картина

Грозная сожительница Черевика тем временем не скучала.

Она ласково ободряла трусливо лепившегося около забора попа Афанасия Ивановича.

ХИВРЯ. Сюда, Афанасий Иванович! Проходите! Вот тут плетень пониже, поднимайте ногу, да не бойтесь: дурень мой отправился на всю ночь с кумом Пидсытковым под возы, чтоб москали на случай не подцепили чего. Нам никто не помешает. Хата пустая.

АФАНАСИЙ. Стою в недоумении, Хавронья Никифоровна.

ХИВРЯ. Ой, не смешите меня! Вы так похожи на длинное, страшное привидение!

АФАНАСИЙ. Я измеряю окон, куда бы лучше прыгнуть.

Поп решился и прыгнул, да так, что собаки залаяли на другом конце Сорочинска.

ХИВРЯ. Ой! Батюшка обрушился в бурьян!

АФАНАСИЙ. Да, вся ряса моя в колочках проклятого репья и руки пожалила несносная

крапива, будь она неладна!

ХИВРЯ. Вот беда! Не ушиблись ли вы, не сломили ли еще, Боже оборони, шеи? Проходите сюда, в хату!

АФАНАСИЙ. Прямо в хату?

ХИВРЯ. Да, в хату, пойдемте же теперь, там никого нет, я же сказала вам, ничего не бойтесь. Не ушиблись ли?

АФАНАСИЙ. Всё хорошо, выключая только уязвления со стороны крапивы, сего змиеподобного злака, по выражению покойного отца протопопа.

Они вошли в хату, поп перекрестился на иконы в углу.

Потом встал на табурет и, хихикая, задернул занавеску на иконках.

ХИВРЯ. Какой же вы заботливый. Да что за человек этот Афанасий Иванович!

АФАНАСИЙ. Т-с! Как лепечет заботливая Хавронья Никифоровна! Как соловей поет!

ХИВРЯ. Ой, не смущайте меня, Афанасий Иванович!

АФАНАСИЙ. Нет, не смущайтесь, Хавронья Никифоровна. Ничего, ничего, любезнейшая Хавронья Никифоровна!

ХИВРЯ. А вас всё нет ко мне в гости, да и нет. Присаживайтесь. Я вам кушанье сготовила.

Хивря лихо сдернула полотенчко, которым были прикрыты на столе горшки с едой и тарелки с кушаньем.

АФАНАСИЙ. Ой, сколько всякого вкусного снаданья вы наготовили, Хавронья Никифоровна!

ХИВРЯ. Не знаю, угодила ли я вам вкусами. Каково же вы поживаете? Я слыхала, что пан-отцу перепало теперь не мало всякой всячины!

АФАНАСИЙ. Сушая безделица, Хавронья Никифоровна! Я и получил всего за весь пост мешков пятнадцать ярового, проса мешка четыре, кнышей с сотню, а кур, если сосчитать, то не будет и пятидесяти штук, яйца же большею частью протухлые. Но воистину сладостные приношения, сказать примерно, единственно от вас предстоит получить, Хавронья Никифоровна!

Поп, умильно поглядывая на Хиврю, всё подсовывался поближе.

ХИВРЯ. Вот вам и приношение, Афанасий Иванович! Ой, вы всё подсовываетесь ближе и ближе! Вот вам на столе стоят и дожидаются, что вы их съедите: вареники, галушечки пшеничные, пампушечки, товченички!

АФАНАСИЙ. Не могу насмотреться, милейшая Хавронья Никифоровна!

ХИВРЯ. А что такое?

АФАНАСИЙ. Как жеманно вы застегиваете вашу словно ненарочно расстегнувшуюся кофту ...

ХИВРЯ. Ненарочно, да. Ой, стыд какой! Случайно!

АФАНАСИЙ. Бьюсь об заклад, если это сделано не хитрейшими руками из всего Евина рода!

ХИВРЯ. А вы лучше принимайтесь одною рукой за товченички, а вот другою рукой подвигайте к себе вареники ...

АФАНАСИЙ. Однако ж, Хавронья Никифоровна, сердце мое жаждет от вас кушанья послаще всех пампушечек и галушечек ...

ХИВРЯ. Вот я уже и не знаю, какого вам еще кушанья хочется, Афанасий Иванович?

АФАНАСИЙ. Разумеется, любви вашей, несравненная Хавронья Никифоровна!

Поп шептал, держа в одной руке вареник, а другою обнимая широкий стан Хиври.

ХИВРЯ. Бог знает, что вы выдумаете, Афанасий Иванович! Чего доброго, вы, пожалуй, затеете еще целоваться!

АФАНАСИЙ. Насчет этого я вам скажу хоть бы и про себя, в бытность мою, примерно сказать, еще в бурсе, вот, как теперь помню ...

Тут послышался на дворе лай и стук в ворота. Хивря выбежала и возвратилась побледневшая.

ХИВРЯ. Ну, Афанасий Иванович! Мы попались с вами! Народу стучится куча, и мне почудился мужнин голос ...

АФАНАСИЙ. Вареник ваш остановился у меня в горле ... У меня понятие такое, что выходец с того света только что сделал мне визит свой ...

ХИВРЯ. Полежайте сюда, живо!

Испуганная Хивря указала на положенные под самым потолком на двух перекладинах доски, на которых была навалена домашняя рухлядь.

АФАНАСИЙ. Опасность придаёт мне духу! Уйя! Помогай, Господь!

Опамятовавшись немного, вскочил он на лежанку и полез оттуда осторожно на доски. А Хивря побежала к воротам, потому что стук повторялся в них с большею силою и нетерпением.

Сельмая картина

В дом пришли Горобец, Бурульбаш, Василь, Ремень, Солопий и Петрусь, сильно расстроенные и так же сильно пьяные.

ХИВРЯ. Черти вас носят, я уж почивать легла! В шинке сидели, потом где-то спали, да вдруг поднялись и снова в компанию сложились посреди ночи. Всё вам выпивки мало?

СОЛОПИЙ. Дай нам горелки, старуха. Тут такие дела творятся ...

ХИВРЯ. Какие дела? Ты опять про эту свадьбу? Я сказала – нет!

СОЛОПИЙ. Нет, я сказал хлопцу, что свадьбы не будет. Тут другое.

ПЕТРУСЬ. Хавронья Никифоровна, вот что на ярмарке случилось: где-то между товаром показалась красная свитка. Днем говорили, что была когда-то давно, а к вечеру сказали, что вот – сегодня она появилась снова.

ХИВРЯ. Что опять пугаешь, как утром пугал? Что за свитка?

СОЛОПИЙ. Ты что, как москалиха, не понимаешь нашу мову? Свитка – страшный заколдованный кафтан! Вот как на мне, только - красная!

ХИВРЯ. Хватит молоть пустое. Спать ложитесь.

СОЛОПИЙ. Нет, мы за стол сядем. Нам надо обсудить всё.

ХИВРЯ. Пьянчуги, шинки закрыли, вот вы и пришли, чтобы ваше пьянство продолжить?!

СОЛОПИЙ. Молчи. Где горелка? Ставь на стол! Выпьем. Чтоб было не так страшно!

Сели все за стол. Хивря скинула с крынок и чашек полотенчико, которым прикрывала еду, заготовленную для попа.

ГОРОБЕЦ. Ай! Там на полатах кто-то шевелится?

ХИВРЯ. Все мозги ты уже пропил. Кто там может шевелиться? Тараканы или мыши. Сколько говорила куму Пидсыткову, чтобы отравы купил или кошку завел.

БУРУЛЬБАШ. Кошка зверь бесовской. Не надо ее в хату.

СОЛОПИЙ. Кум спит под возами. Не дотолкаться до него.

ХИВРЯ. Ешьте, пейте и тоже - спать.

СОЛОПИЙ. Ставь, сказал, на стол горелку да снeдaниe, и слушай. Ты ждала кого?

ХИВРЯ. Тебя и ждала. Вот и еда стоит. Глаза разуй.

БУРУЛЬБАШ. Выпьем, хлопцы.

ГОРОБЕЦ. Выпьем!

ХИВРЯ. Тьфу на вас! Снова завелась попойка, как на свадьбе перед постом великим. А еще такие страхи рассказывают.

РЕМЕНЬ. Да кто там шевелится на полатах?

ХИВРЯ. Никого там нет. Мыши, говорю же вам.

БУРУЛЬБАШ. Ге-ге, земляк! Да ты, кум Василь, не на шутку принялся считать сов. Уже думаешь, как бы домой да на печь! Не спи, братец!

На полатах опять что-тобрякнуло.

ГОРОБЕЦ. Отчего же ты, Хивря, вдруг побледнела вся?

ХИВРЯ. Я ... Господь с вами! Приснилось!

ПЕТРУСЬ. Куда теперь ей побледнеть! Щеки у нее расцвели, как мак. Теперь она не цыбуля, а буряк - или лучше, как та красная свитка, которая так напугала людей.

ХИВРЯ. Да хватит вам! С вами сяду, негодные, так и быть. Ты Расскажи, будь ласков, кум! Вот прошусь, да и не допрошусь истории про эту проклятую свитку.

ПЕТРУСЬ. Э, кума! Оно бы не годилось рассказывать на ночь, да разве уже для того, чтобы угодить тебе и добрым людям, которым, я примечаю, столько же, как и тебе, хочется узнать про эту диковину. Ну, быть так. Слушайте ж! Итак. Раз, за какую вину, ей-Богу, уже и не знаю, только выгнали одного черта из пекла.

РЕМЕНЬ. Как же, кум? Как же могло это статься, чтобы черта выгнали из пекла?

ПЕТРУСЬ. Что ж делать, кум? Выгнали, да и выгнали, как собаку мужик выгоняет из хаты.

ВАСИЛЬ. Может быть, на него нашла блажь сделать какое-нибудь доброе дело, ну, и указали двери.

ПЕТРУСЬ. Ну. Вот, черту бедному так стало скучно, так скучно по пекле, что хоть до петли. Что делать? Давай с горя пьянствовать. С утра до вечера сидит в шинке!

СОЛОПИЙ. Бог знает, что говоришь ты, кум! Как можно, чтобы черта впустил кто-нибудь в шинок? Ведь у него же есть, слава Богу, и когти на лапах, и рожки на голове.

ПЕТРУСЬ. Вот то-то и штука, что на нем была шапка и рукавицы. Гулял, гулял, да и пропилил все, что имел с собою. Пришлось черту заложить шинкарю красную свитку свою, и говорит ему: «Смотри, жид, я приду к тебе за свиткой ровно через год: береги ее!» - и пропал. Жид рассмотрел хорошенько свитку: сукно такое, что и в Миргороде не достанешь! Вот жиду показалось скучно дожидаться срока. Почесал себе пейсики, да и содрал с приезжего пана мало не пять червонцев.

СОЛОПИЙ. А я вот помню, продавал пшеницу ...

ПЕТРУСЬ. Да стой ты со своей пшеницей, дай договорить! И вот, как раз под вечерок, приходит какой-то человек: «Ну, жид, отдавай свитку мою!». Жид прикинулся, будто в глаза не видал: «Какую свитку? Я знать не знаю твоей свитки!». А к вечеру, когда жид, накинуд на себя простыню и начал по-жидовски молиться Богу, глядь - во всех окнах повывставлялись свиные рыла...

Тут в самом деле послышался какой-то неясный звук, весьма похожий на хрюканье свиньи. Все побледнели... Пот выступил на лице рассказчика.

ХИВРЯ. Что?

ПЕТРУСЬ. Ничего!..

ХИВРЯ. Ты сказал...

ПЕТРУСЬ. Нет!

СОЛОПИЙ. Кто ж это хрюкнул?

БУРУЛЬБАШ. Бог знает, чего мы переполошились!

ХИВРЯ. Никого нет! Эх вы, бабы! Вам ли козаковать, и быть мужьями! Вам бы веретено в руки! Под кем-нибудь скамейка заскрыпела, а все и метнулись, как полуумные! Что дальше, рассказывай, ну?

ПЕТРУСЬ. А дальше – вот что. Жид в ноги, признался во всем. Только свитки нельзя было воротить. Пана обокрал на дороге цыган и продал свитку перекупке. А та привезла ее на Сорочинскую ярмарку.

БУРУЛЬБАШ. Вон что!

ПЕТРУСЬ. Да! Черти ее дери, дуру косолапую! И с тех пор никто ничего не стал покупать у ней. Не думая долго, бросила в огонь - не горит бесовская одежда! Тогда та перекупка подсунула свитку в воз одному мужику, вывезшему продавать масло. Дурень и обрадовался. Только масла никто и спрашивать не хочет. Схватил мужик секиру и изрубил свитку в куски. Глядь - и лезет один кусок к другому, и снова целая свитка. Хватил секирою в другой раз, куски разбросал по всему месту и уехал. С тех пор каждый год во время ярмарки черт с свиною личиною ходит, хрюкает и подбирает куски своей свитки. Теперь, говорят, одного только левого рукава недостает ему! И вот ...

Другая половина слов замерла на устах рассказчика. На полатах грохнуло что-то и повалилось. Весь в муке вывалился оттуда Афанасий Иванович.

АФАНАСИЙ. Добрый вечерочек, панове.

СОЛОПИЙ. Черти тебя дери, поп, откуда же ты тут?!

АФАНАСИЙ. Сам не знаю. Бес принес, и тут вот взял – и закинул сюда.

А тут еще вдруг и окно брякнуло с шумом, и все оборотились к нему.

ХИВРЯ. Царица небесная, кто это лезет в окно?!

АФАНАСИЙ. Свиная рожа! Ратуйте, добрые люди!

Стекла, звеня, вылетели вон, и страшная свиная рожа выставилась, поводя очами, как будто спрашивая:

СВИНАЯ РОЖА. А что вы тут делаете, добрые люди?

Темнота

Занавес

Конец первого действия.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Восьмая картина

Ужас оковал всех, находившихся в хате. Ремень с разинутым ртом превратился в камень. Горобец подскочил под потолок и ударился головою об перекладину. Василь упал на него.

ВСЕ. Ай! Ай! Ай! Ратуйте! Ратуй, Христос!

ХИВРЯ. Спасайтесь!

Петрусь пополз в судорогах под подол Хиври. Бурульбаш полез в печь, несмотря на узкое отверстие, и сам задвинул себя заслонкою. Но тут же вылез, испачканный сажей, и как угорелый стал искать на карячках дверь из хаты.

А Черевик, как будто облитый горячим кипятком, схвативши на голову горшок, вместо шапки,

бросился к дверям и, как полумумный, бежал по улицам, не видя земли под собою. За ним бежали во всю прыть Хивря, Бурульбаш, Афанасий, Горобец, Петрусь и Василий.

СОЛОПИЙ. Черт! Черт! Сзади черт гонится за мной!

Тут память от него улетела, и он, как страшный жилец тесного гроба, остался нем и недвижим посреди дороги.

А сверху на него упала Хивря. На Хиврю упал Петрусь, потом Василь, потом Ремень, потом Бурульбаш. И Афанасий притулился сбоку той кучки – самый последний прибежал, пискнул и упал. Куча мала. Бездыханная куча лежала у шинка, а из кучи летели камни во все стороны – так все они отбивались от невидимого черта.

Ночь была на исходе. Последние звезды падали и где-то далеко восход чиркнул на небе красной линией. Из-за угла вышли Грицко, Цыган и Чернозуб – Голова Диканьки. Только-только они покинули шинок, шли покачиваясь.

Тут один камень пролетел и упал у их ног. Чернозуб поднял камень.

ЧЕРНОЗУБ. Если бы я знал, какой это висельник швырнул, я бы выучил его, как кидаться! Экие проказы! Чтобы он подавился этим камнем ...

ЦЫГАН. Стой, стой! Боже тебя сохрани! Боже сохрани тебя, и на том и на этом свете, поблагословить кого-нибудь такую побранкою! Ты же большой начальник, голова Диканьки!

ЧЕРНОЗУБ. Вот нашелся заступник! Цыган мне указывает! Пусть он пропадет!

ЦЫГАН. И не думай, сват!

ЧЕРНОЗУБ. Нашел свата. У цыгана нет ни рода, ни племени. Еще скажи мне: «Зёма», «Земеля», ну?

ЦЫГАН. Ну, зёма, земля – все на одной земле живём, брат. Не обижай цыгана – он любит степь, ветер, свободу. Дак вот, продолжу: ты не знаешь, верно, что случилось с покойною тещею есаула Незапятки?

ГРИЦКО. С тещей? Баба – хуже черта.

ЦЫГАН. Да, с тещей. Слушай. Вечером, немного, может, раньше теперешнего, уселись вечерять: покойная теща, покойный тесть, да наймыт, да наймычка, да детей штук с пятеро. Теща отсыпала немного галушек из большого казана в миску, чтобы не так были горячи. После работ все проголодались и не хотели ждать, пока простынут.

ЧЕРНОЗУБ. Ух, я даже чувствую, как в животе у меня бурчит от твоих слов.

ЦЫГАН. Слушай, слушай. Вздевши на длинные деревянные спички галушки, начали есть. Вдруг откуда ни возмись человек, - какого он роду, Бог его знает, - просит и его допустить к трапезе. Как не накормить голодного человека! Дали и ему спичку. Только гость упрятывает галушки, как корова сено. Покамест те съели по одной и опустили спички за другими, дно было гладко, как панский помост.

ГРИЦКО. И откуда цыган все новости и тряпье бабское знает?

ЦЫГАН. Слушай. Теща насыпала еще. И думает, гость наелся и будет убирать меньше. Ничего не бывало. Еще лучше стал уплетать! И другую выпорожнил! «А чтоб ты подавился этими галушками!» - подумала голодная теща. И тут тот так вдруг поперхнулся и упал. Кинулись к нему - и дух вон. Удавился.

ЧЕРНОЗУБ. Так ему, обжоре проклятому, и нужно!

ЦЫГАН. Так бы, да не так вышло: с того времени покою не было теще. Чуть только ночь, мертвец и тащится. Сядет верхом на трубу и галушку держит в зубах. Днем все покойно, и слуху нет про него. А только станет примеркать - погляди на крышу, уже и оседлал, собачий сын, трубу.

ЧЕРНОЗУБ. И галушка в зубах?

ЦЫГАН. И галушка в зубах.

ЧЕРНОЗУБ. Чудно, цыган! Я слышал что-то похожее еще за покойницу царицу ...

ЦЫГАН. Царица, ишь ... Помнится, пан Голова, ваш дед катал в Петербург к царице ...

ЧЕРНОЗУБ. Да. Было дело. Ох, дед один, бывало, иной раз выходил на медведя, а подчас и пяти человек умять ему было так же просто-запросто, как нашему брату отпеть воскресный кондак.

ГРИЦКО. Зачем ты вспомнил про это, Цыган? Теперь его не остановить.

ЧЕРНОЗУБ. Слушай. Сядем тут на телегу, чтобы было мне спокойнее рассказывать, а то от горелки голова мутится. Ну вот. Дед мой не любил собираться: зашил грамоту в шапку, вывел коня, чмокнул жену и двух своих, как сам он называл, поросёнков, и поднял такую за собою пыль, как будто пятнадцать хлопцев один к одному задумали посередине улицы играть в кашу ...

ГРИЦКО. Мы наизусть знаем эту историю.

ЧЕРНОЗУБ. Еще раз послушай. На другой день еще петух не кричал в четвертый раз, дед уже был в Конотопе. На ту пору была там ярмарка: народу высыпало по улицам столько, что в глазах рябело. Там нагляделся дед таких див, что стало ему надолго после того рассказывать: как повели его в палаты, такие высокие, что если бы хат десять поставить одну на другую, и тогда, может быть, не достало бы.

ГРИЦКО. Да враки всё это, поди. Кто бы его пустил к царице?

ЧЕРНОЗУБ. Как заглянул он в одну комнату – нет, в другую – нет, в третью - еще нет, в четвертой даже нет. Да в пятой уже, глядь - сидит сама, в золотой короне, в серой новехонькой свитке, в красных сапогах, и золотые галушки ест. Как велела ему насыпать целую шапку синицами, как ... Всего и вспомнить нельзя.

Тут куча людей, что лежала на углу дома у телеги зашевелилась и там запищало сразу несколько голосов: «Черт, черт, черт!».

ЦЫГАН. Слышите, пан Голова? Возле нас кто-то опять помянул черта!

ЧЕРНОЗУБ. Мне какое дело? Хоть бы и всех своих родичей помянул.

ЦЫГАН. Но ведь так закричал, как будто давят его!

ЧЕРНОЗУБ. Мало ли чего человек не соврет спросонья!

ЦЫГАН. Воля твоя, хоть посмотреть нужно.

ЧЕРНОЗУБ. А выруби-ка огня!

Цыган пошёл, освещая дорогу.

Стой. Здесь лежит что-то: свети сюда!

ЦЫГАН. Что тут лежит, пан Чернозуб?

ГРИЦКО. Так, как будто бы два человека: один наверху, другой на низу.

ЧЕРНОЗУБ. Который из них черт, уже и не распознаю!

ЦЫГАН. Да не два, а шестеро.

ЧЕРНОЗУБ. А кто наверху?

ЦЫГАН. Баба!

ЧЕРНОЗУБ. Ну, вот, это ж-то и есть черт!

ЦЫГАН. Баба взлезла на человека! Ну, верно, баба эта знает, как ездить!

ЧЕРНОЗУБ. Смотрите, братцы! Какую шапку надел на себя этот добрый молодец!

Чернозуб поднял черепок из горшка: одна его только половина держалась на голове Черевика.

Стала собираться толпа, заря занималась, ярмарка оживать начала.

Увеличившийся шум и хохот заставили очнуться наших мертвецов, Солопия и его супругу, и их гостей, которые, полные прошедшего испуга, долго глядели в ужасе неподвижными глазами на всех. Всё куча мала расползлась и перед народом предстали в самом непотребном – помятом и измазанном виде – вся компания: Ремень, Горобец, Бурульбаш, Петрусь, Василь, Солопий и Хивря.

ХИВРЯ. Что стоите, рты раззявили? Не видали честных христиан?

РЕМЕНЬ. А где черт?

ЧЕРНОЗУБ. Идите спать, вам привиделось чего-то, вы горелки все перепили, да свалились в кучу. И баба с вами, стыд какой?!

ГОРОБЕЦ. Мы черта видели и красную свитку!

БУРУЛЬБАШ. И свиную морду!

АФАНАСИЙ. И с полатей кто-то упал!

СОЛОПИЙ. И еще черная кошка там бегала и горела!

ЧЕРНОЗУБ. Ну, напившись, и не такое видать можно. Ступайте. Я Голова Чернозуб, это я вам приказываю! Я хоть и из Диканьки, а не из Сорочинска, но и тут власть имею. А ну пошли все вон, пьянь!

ХИВРЯ. Да ты сам на ногах еле держишься! А я не пила с ними! Не пила я!

ЧЕРНОЗУБ. Не пила ты, ага. А вам снова и снова талдычу: вон все!

Вся компания разбрелась, а толпа продолжала шуметь и смеяться.

Девятая картина.

Свежесть утра веяла над пробудившимися Сорочинцами. Клубы дыму со всех труб понеслись навстречу показавшемуся солнцу. Ярмарка зашумела. Овцы заблеяли, лошади заржали. Крик гусей и торговков понесся снова по всему табору.

Зевая и потягиваясь, дремал Солопий Черевик под телегой, накрытой пологом, вместе с волами, мешками муки и пшеницы. Тут же отдыхали и его собутыльники.

ВАСИЛЬ. Я вам, хлопцы, всё сейчас расскажу. Перед вами нечего таиться. Знаете ли, что душа моя давно продана нечистому?

РЕМЕНЬ. Экая невидальщина! Кто на веку своем не знался с нечистым? Тут-то и нужно гулять, как говорится, на прах.

ВАСИЛЬ. Эх, хлопцы! Говорю напрямик, что скорее дам отрезать оселедец с собственной головы, чем допущу черта понюхать собачьей мордой своей христианской души.

БУРУЛЬБАШ. Выпьем. У меня фляжка всегда на поясе. Если тебя укусила бешенная собака, то на утро съешь волосок от той собаки, и вся хворь пройдет. Понял? Пей. А потом расскажешь ...

ВАСИЛЬ. Вот как было. Сидели мы с хлопцами в степи, вижу вдалеке: костер горит. Разглядел, что возле огня люди. Подошел, говорю: «Помогай Бог вам, добрые люди!». И без всяких околичностей сел и сам. Долго сидели молча. Говорю: «Уже, добродейство, будьте ласковы: люлька-то у меня есть, да того, чем бы зажечь ее, черт-ма».

БУРУЛЬБАШ. И что?

ВАСИЛЬ. И то. Одна рожа сунула горячую головню мне в лоб так, что если бы я немного не посторонился, то распрощался бы навеки с одним глазом. Я как осерчал, да забрал в горсть все бывшие со мной деньги и кинул, словно собакам, им в середину. Понял, что это – нечистая сила у костра сидит, в карты играет.

РЕМЕНЬ. И что?

ВАСИЛЬ. Как только кинул деньги, земля задрожала! Что за чудища! Рожи на роже. Ведьм такая гибель, как случается иногда на Рождество выпадет снегу: разряжены, размазаны, словно панночки на ярмарке. И все, сколько ни было их там, как хмельные, пляшут дьявольского тропака. Пыль подняли Боже упаси какую! Дрожь бы проняла крещеного человека при одном виде, как высоко скакало бесовское племя.

ГОРОБЕЦ. И ты что?

ВАСИЛЬ. А на меня смех напал, когда увидел, как черти с собачьими мордами, на немецких ножках, вертя хвостами, увиваются около ведьм, будто парни около красных девушек.

СОЛОПИЙ. Врешь?

ВАСИЛЬ. Ага, вру. Свиные, собачьи, козлиные, лошадиные рыла - все повытягивались и вот так и лезут целоваться. Плюнул я, такая мерзость напала! Хвать: а у меня шапки нет. Вздвинулся, позабыл и страх, и в чьих лапах нахожусь. Прискочил к ведьмам: «Что вы, Иродово племя, задумали смеяться, что ли, надо мною? Если не отдадите сей же час моей козацкой шапки, то будь я католик, когда не переверочу свиных рыл ваших на затылок!».

БУРУЛЬБАШ. И что?

ВАСИЛЬ. Говорят: «Ладно! Шапку отдадим тебе, только не прежде, пока сыграешь с нами три раза в дурня!».

РЕМЕНЬ. Что прикажешь делать? Козаку сесть с ведьмами в дурня?

ВАСИЛЬ. Я отпирался, отпирался, наконец сел. Принесли карты, замасленные, какими только у нас поповны гадают про женихов ... Вот как было ...

Десятая картина

Тут у телеги, где они сидели, накрывшись пологом от солнца, вдруг потемнело и запорожцы увидели, как было: ведьмы и черти пляшут у костра возле Василя.

ВЕДЬМА. Слушай же, козак Василь! Если хоть раз выиграешь - твоя шапка. Но когда же все три раза останешься дурнем, то не только шапки, может, и света более не увидишь!

ВАСИЛЬ. Сдавай, сдавай, хрычовка! Ишь, сели: Черт, Ведьма и старый колдун с мельницы Басаврюк, я тебя знаю!

БАСАВРЮК. Я Басаврюк, да! И я тебя знаю! Боишься меня?

ВАСИЛЬ. Сдавайте карты. Что будет, то будет.

ЧЕРТ. Вот и карты уже розданы, не видишь?!

ВАСИЛЬ. Что за карты? Смотреть не хочется, такая дрянь: хоть бы на смех один козырь. Из масти десятка самая старшая. А ведьма все подваливает пятериками, да? Ты что делаешь, тварь такая?!

БАСАВРЮК. Дурень! Дурень! Играй, давай! Ну?

ВЕДЬМА. Дурень! Дурень! Дурень!

ЧЕРТ. Дурень! Дурень! Дурень! Дурень! Дурачок!

ВАСИЛЬ. Чтоб вы перелопались, дьявольское племя!

БАСАВРЮК. Ге-ге! Да это не по-козацки! А чем ты кроешь, земляк?

ВАСИЛЬ. Как чем? Козырями!

ВЕДЬМА. Может быть, по-вашему, это и козыри!

БАСАВРЮК. Только по-нашему - нет!

ЧЕРТ. Дурень, дурень!

ВАСИЛЬ. Козырь! Вот козырь!

ВЕДЬМА. А чем ты, старый дьявол, бьешь!

БАСАВРЮК. Да это ж простая шестерка!

ЧЕРТ. Где твои глаза, дурень козак?

ВАСИЛЬ. Вишь, бесовское обморачиванье! А перекрещу-ка я карты да пойду одною шестеркою! А черт вместо шестерки спустил кралю. Ну, дурень же я! Король козырей! Что! Приняла? А? Кошачье отродье! А туза не хочешь? Туз! Валет!

БАСАВРЮК. Поганец какой! Он святым крестом защищается!

ЧЕРТ. На меня от креста корчи нападают!

ВЕДЬМА. И на меня! Отдайте ему шапку!

ВАСИЛЬ. Если сейчас не станет передо мною конь мой, то вот убей меня гром на этом самом нечистом месте, когда я не перекрещу святым крестом всех вас!

Виденье исчезло. Снова все сидели под пологом, перепуганные еще тем, что ночью было.

ГОРОБЕЦ. И что потом?

ВАСИЛЬ. И тут гром пошел по пеклу, на ведьму напали корчи, и откуда не возьмись шапка - бух мне прямёхонько в лицо.

БУРУЛЬБАШ. И всё?

ВАСИЛЬ. Нет, этого мало! И я уже было и руку поднял, как вдруг загрели перед мной конские кости. «Вот тебе конь твой!». Конь, как огонь, взвился, и я, что птица, вынесся наверх. А как очнулся и осмотрелся: я лежу на крыше своей же хаты.

СОЛОПИЙ. Экая чертовщина! Что за пропасть, какие с человеком чудеса делаются!

ВАСИЛЬ. Глядь на руки - все в крови. Посмотрел в бочку с водою - и лицо также. Обмывшись, вхожу я в хату, а дети пятятся и указывают: «Дывись, маты, мов дурна, скаче!». Вижу: баба сидит, заснувши, держит в руках веретено и подпрыгивает на лавке. Я разбудил ее: «Здравствуй, жена!».

ГОРОБЕЦ. И она что?

ВАСИЛЬ. Что, что. Она смотрела, выпуча глаза, и, наконец, узнала меня и рассказала, как ей снилось, что печь ездил по хате, выгоняя вон лопатою горшки, лоханки. Ну, говорю, это тебе во сне было, а мне наяву. Нужно, вижу, освятить нашу хату.

РЕМЕНЬ. Да хоть бы и в самом деле сатана: что сатана? Хоть бы вздумалось ему стать вот здесь: будь я собачий сын, если не поднёс бы ему дулю под самый нос!

БУРУЛЬБАШ. Ну, хватит. Смотри, ярмарка проснулась, а мы всё сидим тут. Пошли каждый по своим делам.

ГОРОБЕЦ. Да, пшеницу ты хотел продать, Солопий.

РЕМЕНЬ. А, пшеница, пшеница, вот ведь черти какие ...

ПЕТРУСЬ. И горшки мои где – не знаю.

ВАСИЛЬ. Да ты же их продал.

ПЕТРУСЬ. Правда?

РЕМЕНЬ. А Солопий уснул вдруг. Ему и рассказы про чертей не страшны ...

ГОРОБЕЦ. А вот и черт идет. Жена его ...

К мужикам, что сидели под пологом у телеги, заглянула Хивря, стала расталкивать его, а тот принялся ее бить по лицу спросонья.

ХИВРЯ. Вставай, вставай, Солопий! Что ты делаешь?! С глузду ты съехал?

СОЛОПИЙ. Барабан, черт, барабан! Бей его, черта!

ХИВРЯ. Что ты барабанишь меня по лицу?!

Черевик поднялся, протер немного глаза и посмотрел вокруг:

СОЛОПИЙ. Враг меня возьми, если мне, голубко, не представилась твоя рожа барабаном, на котором меня заставили выбивать зорю, словно москаля, те самые свиные рожи, от которых, как говорит кум ...

ХИВРЯ. Полно, полно тебе чепуху молоть! Ступай, веди скорей кобылу на продажу. Смех, право, людям: приехали на ярмарку и хоть бы горсть пшеницы продали ...

СОЛОПИЙ. Как же, жинка, с нас ведь теперь смеяться будут после того, как мы кучей-то лежали посереде ярмарки. А? Стыд какой ...

ХИВРЯ. Ступай! Ступай! С тебя и без того смеются!

СОЛОПИЙ. Ты видишь, что я еще не умывался.

ХИВРЯ. Вот некстати пришла блажь быть чистоплотным! Когда это за тобою водилось? Вот рушник я принесла, оботри свою маску ...

Тут схватила она что-то свернутое в комок и с ужасом отбросила от себя.

СОЛОПИЙ. Это не рушник! Не рушник!

ХИВРЯ. Царица небесная, это красный обшлаг свитки!

Тут вся компания заорала и кинулась из-под полога у телеги в разные стороны: кто бегом, кто ползком.

СОЛОПИЙ. Ступай, делай свое дело, Хивря. Или у тебя страх отнял ноги?

ХИВРЯ. Отнял, так ... И у тебя зубы колотятся один об другой ...

СОЛОПИЙ. Иди, баба, я пошел на ярмарку.

ХИВРЯ. Да будет ли продажа теперь?!

СОЛОПИЙ. Недаром, когда я собирался на эту проклятую ярмарку, на душе было так тяжело, как будто кто взвалил на меня дохлую корову, и волы два раза сами поворачивали домой. Да чуть ли еще, как вспомнил я теперь, не в понедельник мы выехали.

ХИВРЯ. Ну, вот и зло всё! Неугомонен и черт проклятой: носил бы уже свитку без одного рукава. Так нет, нужно же добрым людям не давать покою.

СОЛОПИЙ. Будь, примерно, я черт, чего оборони Боже: стал ли бы я таскаться ночью за проклятыми лоскутьями?

ХИВРЯ. Да иди уже!

Одиннадцатая картина

Солопий шел по ярмарке и размышлял вслух.

СОЛОПИЙ. Черт – не черт. Свитка – не свитка ... Барабан – не барабан ...

Тут философствование Черевика прервано было резким голосом. Перед ним стоял высокий цыган.

ЦЫГАН. Что продаешь, добрый человек?

Солопий помолчал, посмотрел на него с ног до головы и сказал со спокойным видом, не останавливаясь и не выпуская из рук узды:

СОЛОПИЙ. Сам видишь, что продаю!

ЦЫГАН. Ремешки?

СОЛОПИЙ. Да, ремешки, если только кобыла похожа на ремешки.

ЦЫГАН. Однако ж, черт возьми, земляк, ты, видно, ее соломою кормил!

СОЛОПИЙ. Соломою?

ЦЫГАН. А что у тебя в руке?

СОЛОПИЙ. Матерь Божья! Что это тут?!

ЦЫГАН. Как – что? В руке у тебя - перерезанная узда и к узде привязанный ...

СОЛОПИЙ. Царица небесная!

ЦЫГАН. Дядька, у тебя волосы поднялись горою!

СОЛОПИЙ. Смотрите, люди! У меня в руках кусок красного рукава свитки!

Плюнув, крестясь и болтая руками, побежал Солопий от неожиданного подарка и, быстрее молодого парубка, пропал было в толпе, крича:

За мое ж жито, та мене и побыто! За мое ж жито, та мене и побыто!

ЦЫГАН. Лови! Лови его! Лови это жито!

Так кричал Цыган и так кричали несколько хлопцев, и Черевик почувствовал себя схваченным дюжими руками.

Вязать его! Это тот самый, который украл у доброго человека кобылу! Лови! Лови его! Вот он, вот ворюга!

СОЛОПИЙ. Господь с вами! За что вы меня вяжете?

ЧЕРНОЗУБ. Он же и спрашивает! А за что ты украл кобылу у приезжего мужика, Черевика? Так мне доложили! Я Голова Диканьки – Чернозуб! Вяжите его!

СОЛОПИЙ. С ума спятили вы! Я и есть Черевик! Где видано, чтобы человек сам у себя крал что-нибудь?

ЧЕРНОЗУБ. Зачем бежал ты во весь дух, как будто бы сам сатана за тобою по пятам гнался?

СОЛОПИЙ. Поневоле побежишь, когда сатанинская одежда в руках ...

ЧЕРНОЗУБ. Э, голубчик! Обманивай других этим. Будет еще тебе от заседателя за то, чтобы не пугал чертовщиною людей.

Глазам нашего Черевика представился кум Бурульбаш, в самом жалком положении, с заложенными назад руками, ведомый несколькими хлопцами.

ЦЫГАН. Послушали бы вы, что рассказывает этот мошенник, которому стоит только заглянуть в лицо, чтобы увидеть вора, когда стали спрашивать, отчего он бежит по ярмарке!

БУРУЛЬБАШ. Я полез в карман понюхать табаку и, вместо тавлинки, вытащил кусок чертовой свитки, от которой вспыхнул красный огонь, и я давай Бог ноги! Вот отчего бежал я, как полуумный!

ЧЕРНОЗУБ. Эге, ге! Да это из одного гнезда обе птицы! Вязать их обоих вместе!

СОЛОПИЙ. Может, и в самом деле, кум, ты подцепил что-нибудь?

БУРУЛЬБАШ. И ты туда же, кум! Чтобы мне отсохнули руки и ноги, если что-нибудь когда-либо крал, выключая разве вареники с сметаною у матери, да и то еще, когда мне было лет десять отроду.

СОЛОПИЙ. За что же это, кум, на нас напасть такая? Тебе еще ничего, ведь тебя винят по

крайней мере за то, что у другого украл! А за что же мне, несчастливцу, недобрый поклев такой: будто у самого себя стянул кобылу. Нам, кум, на роду написано не иметь счастья!

БУРУЛЬБАШ. Горе нам, сиротам бедным!

Тут оба кума принялись всхлипывать навзрыд. Их затолкали в сарай. А там уже связанные сидели Горобец, Василь, Ремень и Петрусь.

СОЛОПИЙ. Кто связал вас, хлопцы?

РЕМЕНЬ. Мы убегали от красной свитки.

ГОРОБЕЦ. У нас в карманах вдруг куски ее оказались!

ПЕТРУСЬ. А я в телеге горшки свои искал, а там свитка лежит и горит!

БУРУЛЬБАШ. Ну, пропадать нам всем тут придется ...

ВАСИЛЬ. Да, смертный час наш пришел. Всех нас догнала красная свитка.

Все стали выть, но тут дверь в темный сарай отворилась и вошел Грицко, спросил ласково:

ГРИЦЬКО. Что с тобою, Солопий? Кто это связал тебя?

СОЛОПИЙ. А! Голопупенко, Голопупенко! Вот, это тот самый, кум, об котором я говорил тебе. И вот те хлопцы. С которыми мы вчера гуляли, да не вышло по-хорошему ... Эх, хват! Вот, Бог убей меня на этом месте, если чёрт не высушил при мне кухоль мало не с твою голову, и хоть бы раз поморщился.

ПЕТРУСЬ. Что ж ты, кум, так не уважил такого славного парубка?

СОЛОПИЙ. Вот, как видишь, наказал Бог, видно, за то, что провинился перед тобою. Прости, добрый человек! Ей-богу, рад бы был сделать все для тебя ... Но что прикажешь? В старухе дьявол сидит!

ГРИЦЬКО. Я не злопамятен, Солопий. Если хочешь, я освобожу тебя!

Тут он мигнул хлопцам, которые вошли в сарай следом, те же самые, которые сторожили всех, и они кинулись всех развязывать.

ПЕТРУСЬ. И меня развяжи, не забудь!

ГРИЦЬКО. За это и ты делай как нужно: свадьбу! Да и попируем так, чтобы целый год болели ноги от гопака.

СОЛОПИЙ. Добре! Да мне так теперь сделалось весело, как будто мою старуху москали увезли. Да что думать: годится, или не годится так - сегодня свадьбу, да и концы в воду!

ГРИЦЬКО. Смотри ж, Солопий: через час я буду к тебе! А теперь ступай домой: там ожидают тебя покупщики твоей кобылы и пшеницы!

СОЛОПИЙ. Как! Разве кобыла нашлась?

ГРИЦЬКО. Нашлась!

СОЛОПИЙ. А где ж она была?

Черевик от радости стал неподвижен, глядя вслед уходящему Грицку, а Цыган на углу прошептал с усмешкой парубку:

ЦЫГАН. Что, Грицко, худо мы сделали свое дело? Воле ведь мои теперь?

ГРИЦЬКО. Твои! Твои!

ЦЫГАН. Пятнадцать?

ГРИЦЬКО. Бери даром!

Двенадцатая картина

Подперши локтем хорошенький подбородок свой, задумалась Параска, одна, сидя в хате. Много грез обвивалось около русой головы. Иногда вдруг легкая усмешка трогала ее алые губки, и

какое-то радостное чувство подымало темные ее брови. То снова облако задумчивости опускало их на карие, светлые очи. Она мурлыкала песню, вынимая из пазухи маленькое зеркало, обклеенное красною бумагою, купленное ею на ярмарке, и глядясь в него с тайным удовольствием, не говорила, а просто пела ...

ПАРАСКА. Ну, что, если не сбудется то, что говорил он? Ну, что, если меня не выдадут? если... Нет, нет, этого не будет! Мачеха делает все, что ей ни вздумается. Разве и я не могу делать того, что мне вздумается? Упрямства-то и у меня достанет. Какой же он хороший! Как чудно горят его черные очи! Как любо говорит он: Парасю, голубко! Как пристала к нему белая свитка! Еще бы пояс поярче! Пускай, уже правда, я ему вытку, как перейдем жить в новую хату. Не подумаю без радости, как я встречу тогда где-нибудь с нею, с проклятой мачехой - я ей ни за что не поклонюсь, хоть она себе тресни. Нет, мачеха, полно колотить тебе свою падчерицу! Скорее песок взойдет на камне и дуб погнется в воду, как верба, нежели я нагнусь перед тобою! Ой, да я и позабыла ... Дай примерять очипок, хоть мачехин, как-то он мне придется!

Тут встала она, держа в руках зеркальце, и, наклонясь к нему головою, трепетно шла по хате, как будто бы опасаясь упасть, видя под собою, вместо полу, потолок с наложенными под ним досками, с которых низринулся недавно поп, и полки, уставленные горшками.

Что я, в самом деле, будто дитя, боюсь ступить ногою?

И начала притопывать ногами все чем далее, смелее. Наконец левая рука ее опустилась и уперлась в бок, и она пошла танцевать, побрякивая подковами, держа перед собою зеркало и напевая любимую свою песню.

Черевик заглянул в это время в дверь и, увидя дочь свою танцующею перед зеркалом, остановился.

Долго глядел он, смеясь невиданному капризу девушки, которая, задумавшись, не примечала, казалось, ничего. Но когда же услышал знакомые звуки песни, - жилки в нем зашевелились. Гордо подбоченившись, выступил он вперед и пустился в присядку, забыв про все дела свои.

СОЛОПИЙ. Всё, дочка, я решил и поворота нет: отдаю тебя замуж за Грицко Голопупенкова! Хлопец такой гарный, хоть куда! Спас меня от черта!

Солопий обнял и поцеловал дочку, и они пустились плясать.

Громкий хохот кума заставил обоих вздрогнуть.

ГОРОБЕЦ. Вот хорошо, батька с дочкой затеяли здесь сами свадьбу! Ступайте же скорее: жених пришел!

При последнем слове Параска вспыхнула ярче алой ленты, повязывавшей ее голову, а беспечный отец ее вспомнил, зачем пришел он.

СОЛОПИЙ. Ну, дочка! Пойдем скорее! Хивря с радости, что я продал кобылу, побежала, побежала закупать себе плахт и дерюг всяких, так нужно до приходу ее все кончить!

Параска выскочила из дому и не успела переступить она за порог хаты, как почувствовала себя на руках парубка в белой свитке, который с кучею народа выжидал ее на улице.

ГРИЦКО. Серденько моё, как я долго тебя искал ...

СОЛОПИЙ. Боже, благослови! Пусть их живут, как венки вьют!

Люди вокруг стали кричать и веселиться, надеясь на угощение во время свадьбы.

Тут из толпы вылетела Хивря.

ХИВРЯ. Я скорее тресну, чем допущу до этого! Не бывать этой свадьбе! Не бывать!

СОЛОПИЙ. Не бесись, не бесись, жинка! Что сделано, то сделано, я переменять не люблю!

ХИВРЯ. Нет! Нет! Этого-то не будет! Не допущу!

Никто не слушал ее. Несколько пар обступило новую пару и составили около нее непроницаемую, танцующую стену.

Странное неизъяснимое чувство овладело бы зрителем, при виде, как от одного удара смычком музыканта в сермяжной свитке, с длинными закрученными усами, все обратилось, волею и неволею, к единству и перешло в согласие.

Люди, на угрюмых лицах которых, кажется, век не проскальзывала улыбка, притопывали ногами и вздрагивали плечами. Все несло. Все танцевало.

Но еще страннее, еще неразгаданнее чувство пробудилось бы в глубине души при взгляде на старушек, на ветхих лицах которых веяло равнодушные могилы, толкавшихся между новым, смеющимся, живым человеком.

Беспечные! Даже без детской радости, без искры сочувствия, которых один хмель только, как механик своего безжизненного автомата, заставляет делать что-то подобное человеческому, они тихо покачивали охмелевшими головами, подтанцовывая за веселящимся народом, не обращая даже глаз на молодую чету.

Гром, хохот, песни слышались тише и тише. Смычок умирал, слабея и теряя неясные звуки в пустоте воздуха. Еще слышалось где-то топанье, что-то похожее на ропот отдаленного моря, и скоро все стало пусто и глухо.

Не так ли и радость, прекрасная и непостоянная гостья, улетает от нас, и напрасно одинокий звук думает выразить веселье? В собственном эхе слышит уже он грусть и пустыню и дико внемлет ему. Не так ли резвые друзья бурной и вольной юности, по одиночке, один за другим, теряются по свету и оставляют наконец одного старинного брата их? Скучно оставленному! И тяжело и грустно становится сердцу, и нечем помочь ему.

Темнота

Занавес

Конец

Октябрь 2022 года, Екатеринбург